

ЭКОНОМИКА

УДК 330.3; 338.2

В. И. Пештиев, Л. А. Титова

Экономическая теория в России и пути ее обновления: концептуальные заметки

В статье обоснованы авторские позиции о путях обновления политической экономики с учетом реалий XXI в.

Ключевые слова: обновление политической экономики, товарно-денежные отношения, глобализация и политическая экономика, корпоративная практика как источник обновления политической экономики.

V. I. Pefteiev, L. A. Titova

The Economic Theory in Russia and Ways of Its Updating: Conceptual Notes

In the article the author's positions about ways of updating political economy taking into account XXI century realities are proved.

Keywords: political economy updating, commodity-money relations, globalization and political economy, corporate practice as a source of political economy updating.

Не смеяться. Не плакать, а понимать!
Бenedикт Спиноза

Обновление политической экономики как сердцевины («жесткого якоря») общей экономической теории (теоретической экономики) превращается в императив на фоне и в пространстве глобального кризиса начала XXI в. Любое обновление – это всегда тернистый путь, сопряженный с озарениями и заблуждениями, логикой рефлексии и таинством интуиции, с простотой инновационной идеи и тяжкими доказательствами ее истинности и прагматичности. И каждый ученый в меру своего таланта и способностей обязан внести лепту в поиск новых подходов в политической экономике, не отвергая **непреложное** и отбирая **не востребуемое** из достижений предшественников и современников. Что же касается **устарелого**, то не стоит забывать мудрое предостережение знатоков истории науки: мертвые идеи умеют притворяться в новаторские [15]. Начало процесса обновления – регулярное наблюдение (мониторинг) за состоянием национальных экономик и мирового хозяйства с многомерным их анализом и выходом на глубинные парадоксы, аномалии, деформации.

Источники обновленческих идей в политической экономике многообразны. Назовем важнейшие из них,

осуществив экспресс-анализ на обоснованность и перспективность.

1. Философия выступает в органическом единстве с историей экономической мысли. История конкретной науки – это и есть сама наука, прошедшая жесткий отбор. Для реалий наступившего десятилетия важны идеи Аристотеля о хрематистике, философия нравственности А. Смита и философия хозяйства С. Н. Булгакова.

2. Традиционная тематика с незаполненными пробелами и/или «дурной бесконечностью» (дискуссия без финала).

3. Кризис глобализации – головоломка текущего момента и десятилетия.

4. Корпоративная практика – забытый и неосмысленный массив информации.

Наука о хозяйстве (с разными названиями) обязана своим возникновением гению *Аристотеля*, который ввел нравственную (морально-этическую) оценку деятельности по созданию и использованию жизненных благ. Для Аристотеля существенно различны экономика и хрематистика. Первая манера хозяйствования одобряема, так как она ориентирует на нужды семьи, общины, города-полиса. Вторая манера осуждается, так как рождает страсть к наживе, к получению барыша, обогащению за счет других. Идеи Аристотеля

продолжил и развил *А. Смит* в этико-философском произведении «Теория нравственных чувств» (1759) [11]. Актуальны и сегодня ниже следующие суждения Смита. Насилие над справедливостью – это оскорбление для человека и общества. Человек должен обладать мудростью в приобретении и использовании богатства. Честь – лучшая политика, позволяющая избежать пороков и безумств. Честь присуща прежде всего среднему классу. Расточители и спекулянты – явные и скрытые враги разумного эгоизма. Взаимопроникновение двух чувств (любви к самому себе и интереса к другим) предъявляет самые высокие требования к поведению человека в обществе: а) четко выявлять позитивные и негативные последствия своих действий и б) владеть собой в различных ситуациях. Человек должен обладать способностью к предвидению, а она возникает при овладении абстрактными науками, которые *А. Смит* называл трансцендентальной математикой (в их числе и политэкономия). В эпохальной книге «Философия хозяйства» (1912) этико-нравственного направления в политэкономии и социогуманитарных науках *С. Н. Булгаков* призвал отречься от пагубного принципа «человек для хозяйства» и вернуться к христианскому «хозяйство для человека». Эта благородная цель окрыляет научные поиски ученых, группирующихся вокруг журнала «Философия хозяйства» (главный редактор *Ю. М. Осипов*). Этот международный по своему составу коллектив является неутомимым и последовательным сторонником возрождения политической экономии. Мы еще сошлемся на произведения *Ю. М. Осипова*. В работах *К. Поланьи* (Венгрия-Канада) эпоха перехода от натурального хозяйства к товарному производству (хозяйству на обмен) названа Великой трансформацией с неоднозначными последствиями. Новаторские идеи *К. Поланьи* заслуживают вдумчивого изучения и проекции на кризис глобализации.

Напомним его основные тезисы. Автаркия, присущая античной экономике, означала способность полиса к существованию независимо от ресурсов извне. С появлением рынков (прежде всего внешних) и использованием металлических денег появляются внешние ресурсы, но снижается устойчивость полисов, земледельческих и ремесленных общин к внезапным шокам и неизвестности. Архаичные деньги – это система символов с неполной унификацией; для каждой функции денег (обмен товаров, средство платежа, накопление и хранение богатства, мера стоимости) применялись особые блага, и в языках имелись не-

сводимые термины. Унификация функций денег в одном товаре (золото) обеспечила крупный шаг вперед в смысле упрощения обмена, но подорвала устойчивость товарно-денежного хозяйства из-за обращения к одной единственной гарантии (возник феномен редкости золота как ресурса до Великих географических открытий). До полного утверждения работы на неизвестный рынок «вызовы» природы и/или общества принимали социальные организмы как единое целое. Но после фрагментации общества на классы, сословия и группы «ответы» даются спорные и непредсказуемые [2]. Несомненно приращение наших знаний в политэкономии относительно генезиса товарно-денежных отношений, возможно, возникают и некоторые подсказки для преодоления кризиса глобализации.

Глобальный кризис 2007–2010 гг. умножил в разы основания для пересмотра взаимоотношений хозяйства и нравственности. Очевиден перекокс в сторону мотивации на сверхприбыль любой ценой и во что бы то ни стало. Отдельные игроки на финансовых рынках пренебрегали предупреждениями о надвигающемся кризисе. Банки, страховые компании, риэлторы и после «взрыва финансового пузыря» пытались и пытаются до сих пор переложить издержки кризиса на бюджеты рядовых налогоплательщиков. Но проблема скрыта глубже, нежели жажда наживы и/или ошибки в управлении рисками. Мы выделяем три сферы экономической деятельности с угрозами деградации нравов «верхов» и «низов» (в каждой сфере по своему).

Миграция миллионов людей из бедных регионов мира в Европу и США. Неграмотные и полуграмотные выходцы из стран Азии, Африки, Латинской Америки, а в последние годы бедные из Центральной и Восточной Европы покидают свои страны. Интеграция в развитое общество с иными порядками протекает для мигрантов достаточно тяжело. Они оседают на окраинах городов и образуют подобия «гетто» по этническому и религиозному признаку. Лишь у немногих появляется желание в совершенстве овладеть государственным языком страны пребывания. Акции протеста перерастают в массовые беспорядки и погромы. Политика мультикультурализма дает серьезные сбои. Масштабная миграция, будучи неоднородным феноменом (потребность в мигрантах очевидна из-за «старения» населения в центрах мирового хозяйства), порождает особый тип противоречий в системе мирохозяйственных отношений – между **высокоразвитыми** отношениями (на базе постинду-

стриальных производительных сил и социально-рыночного хозяйства), с одной стороны, и **архаичными** – с другой. Эти противоречия являются трудноразрешимыми на ближайшие десятилетия. Застойность архаичных отношений в неожиданные моменты вызывает социальные потрясения. Классический тому пример – арабская «весна» в Северной Африке и на ближнем Востоке.

Верховенство финансового капитала над производственным и социальным. Истоки фиктивности финансового капитала описаны в «Капитале» К. Маркса. Глобализация вывела фиктивность на новую ступень, которую можно обозначить как **виртуализация** (доминирование воображаемого). Виртуализация радикально меняет поведение хозяйствующих субъектов. Даже в реальном секторе экономики индикатором успеха становится наиболее уязвимый и ложный – это **капитализация** акций на фондовых площадках. Акционерный капитал в силу своей доступности деформирует мотивацию лиц наемного труда. Мания «легких» денег, создающихся за счет премудростей технического анализа, захватывает и страны с развивающимися рынками. Виртуализация – проблемное поле для политэкономов в содружестве с другими смежными специалистами.

Глобализация привлекает молодежь успехами информационно-коммуникационных технологий. Информация из Интернета, социальных сетей, блогов доступна всем. Но в погоне за информационными технологиями забывается цель поиска информации – знания, точнее, приращение знаний. Интернет одновременно богат и беден на знания: много информационного «мусора» и полное забвение этических запретов. Каждая страна пытается хоть как-то регулировать обмен информацией в Интернете собственными методами и инструментами (от «мягкой» до «большой» власти). Нас волнует столкновение двух цивилизаций – книжной и коммуникационной. Полнокровные национальные языки из-за «диктатуры мышки» деградируют в неконтролируемые эмоции и штампы. Мир разделился на сторонников Интернета, с фанатизмом защищающих детище конца XX в., и любителей книги, ряды которых постепенно редуют. Если подойти к теме исторического компромисса, то предстоит решить две взаимосвязанные задачи: а) очистить Интернет от информационного «мусора» и б) «оцифровать» сокровища книжной цивилизации. Этот фрагмент завершим цитатой из нобелевской лекции Марио Варгаса Льюсы «Похвала чтению и литературе»: «Сегодня, почти через семьдесят лет, я отлично помню то

волшебство, с которым слова с книжных страниц превращались в открытия, обогащая мою жизнь и ломая барьеры времени и пространства» [4]. Для защиты книги многое предстоит сделать: "Ноу, hermanos, muchisimo que hacer" (Сесар Вальехо).

Вышеназванные феномены глобализации вводят нас на острейшую методологическую проблему – взаимосвязи экономики и культуры. В науке наличествуют два подхода:

– Монизм в истории, первичность экономики и вторичность культуры (как части надстройки). Особую позицию занимал марксистский философ Л. Альтюссер с тезисом об относительной автономности идеологии [16].

– Культура в широком определении (материальная и духовная плюс менталитет нации) во многом детерминирует экономику: экономика и особенно деловая культура – это органическая часть культурного пространства (глобального, регионального, локального).

– Многофакторность взаимодействия, прямые и обратные связи между экономикой: связи по преимуществу функциональные, а не причинно-следственные. Мы не занимаем категоричную позицию и пока довольствуемся констатацией великого «еретика» в истории экономической мысли Й. Шумпетера: «Экономику нельзя объяснить только экономикой».

Государство в экономике, стоимость, деньги – вечные темы в политэкономии. Дискуссии по каждой теме графически напоминают мегасинусоиду со множеством точек «пик» и «дно». Озвучим новейшие публикации с нетривиальными тезисами и аргументами.

Государство в экономике. Противостояние либералов и государственников («этатистов») потеряло былой накал страстей. Наша гипотеза: имеются примеры конвергенции взглядов, а доктринальная альтернатива теряет остроту и незаметно для спорящих опустилась в разряд **прагматических**. Конечно, останутся непримиримые радикалы с той и другой стороны. Проблема «больше» или «меньше» государства будет вращаться вокруг **меры**: что национализировать и что, напротив, приватизировать; что и как регулировать в экономике; каковы социальные гарантии и компенсации при том или ином варианте экономической политики (гетерогенной по своей природе).

Основания для выдвижения подобной гипотезы следующие. Присутствие государства в экономике динамично и является продуктом географии и демографии, истории и культуры, набора инст-

рументов государственного регулирования. Из одних сфер государство уходит, а в другие приходит. Многоукладность стала обыденным явлением, что позволяет экспериментировать с различными вариантами государственно-частного предпринимательства. Цикличность (колебательность) проникла в процессы приватизации и огосударствления [1]. Отношения собственности приоритетны на этапе смены системы хозяйства или запуска экономических реформ. В дальнейшем верховенство переходит к конкуренции и ее состоянию: монополистическая конкуренция, олигополия, монополия.

Стоимость. Трудовая концепция стоимости – уникальное явление и событие в истории экономической мысли. Ее (концепции) долголетие вызывает неподдельное уважение у оппонентов. С 70–90-х гг. XIX в. эстафету новаторства принял на себя маржинализм с ключевым понятием – предельная полезность. На рубеже XIX–XX вв. предпринимались попытки примирения (согласования) концепций трудовых затрат и предельной полезности (М. И. Туган-Барановский, российские эконометрики), но они завершились неудачей. Эконометрики продолжают дискуссии вокруг противоречий идей первого и третьего томов «Капитала». К исходу XX в. мейнстрим, вобравший в себя базовые постулаты маржинализма, растерял своей концептуальный потенциал. Неоклассика движется по двум маршрутам: 1) уход в лабиринты эконометрики и 2) поглощение теорией и практикой маркетинга и менеджмента, то есть потеря теоретического статуса. Не все благополучно по данной теме и в «могучей кучке» неомарксистов. *А. А. Пороховский* (МГУ) самокритичен: «Объяснение многих современных экономических явлений с позиции трудовой стоимости требует немалых теоретических усилий и даже открытий, которые до сих пор еще не совершены... такие затруднения определялись возрастанием значения умственного труда, отношениями интеллектуальной собственности, развитием отраслей сферы услуг... По мере развития экономики возникает множество опосредованных звеньев между первичными затратами труда и конкретными ценами на товары и услуги, воспринимающих влияние самых разных обстоятельств» [10]. Похвальное признание и некоторые ориентиры для дальнейших научных поисков.

Дистанцируется от упрощенной трактовки стоимости и *Ю. М. Осипов* (МГУ): «Стоимость – это невидимый и неосязаемый феномен бытия... Увязывая стоимость с трудом, политическая эко-

номия попала в предметный, познавательный и операционный капкан, ибо по труду никто и никогда ничего не оценивает и не покупает... Не лучше дело обстоит с попыткой объяснить стоимость полезностью... стоимость – это возникающая и угасающая идеальная субстанция, только в товарообменном движении. И если такого движения нет, то нет и стоимости» [9].

Обзор новейшей литературы по стоимости позволил нам обнаружить примеры зарождения новых подходов.

Первый подход: стоимость – отношение обмена. У этой идеи два предшественника: *П. Прудон* («Нищета философии, 1846) и *М. Аглиетта и А. Орлеан* («Деньги между доверием и насилием». – М.: ИД ВШЭ, 2006). Без ссылки на этих авторов *Н. К. Сагадиев* (Казахстан) предлагает многовекторный анализ. Стоимость – это отношение обмена, оно не создается трудом. У каждой стороны в обмене (продавца и покупателя) свои оценки труда. Лишь в обмене (не в производстве и не в потреблении) возникает тождество двух благ. Двойное определение стоимости (трудом производителя и трудом покупателя) было окончательно утрачено в монизме Маркса [14].

Второй подход: стоимость в концепции неравновесного воспроизводства. Эта концепция опирается на три постулата. Источник прибыли – не прибавочный труд, а интеллект. В общественном воспроизводстве работодатель и работник функционально взаимосвязаны. Стоимость одинаково регулируется в рентных и нерентных производствах [7].

Третий подход: составные элементы стоимости. Исследования в этом ракурсе пока разобщены. *В. Маевский* идет на коррекцию основных идей первого тома «Капитала». На продукт переходит не стоимость потребленного основного капитала (не рабочее время), а лишь информация о цене этого капитала. Стоимость и цена средств производства ведут себя по-разному в процессе воспроизводства. Амортизация – это денежная оболочка (форма) старого рабочего времени, которая покидает своего «хозяина» и превращается в денежную оболочку нового рабочего времени [6]. *А. Орлов* (Санкт-Петербург) оспаривает значение абстрактного труда в концепции стоимости. Абстрактный труд не может быть присоединен к веществу природы. Амортизация – это часть прибавочной стоимости. Таким образом, абстрактный труд представляет собой нечто иное, нежели научный прием; шатки основания для различения постоянного и переменного капитала [8].

Деньги. За многовековую историю экономической мысли доктрины исчерпывающе изложили свои взгляды на природу и функции денег как инструмента обмена. На наш взгляд, недооценены познавательные возможности институционализма [12]. Деньги как общественный институт означают следующее. Стоимость денег зависит а) от состояния экономики и б) от общественной оценки деятельности власти. Деньгами может стать любой артефакт, получивший санкцию государства и вызывающий доверие агентов рынка и населения. Пример тому – «электронные деньги».

Крупным институционалистом дореволюционной России можно по праву назвать А. М. Рыкачева (1876–1914) – автора нестандартной книги «Деньги и денежная власть» (1910) [13]. Его кредо звучит вызывающе, наступательно, без привычных обвинений в адрес капитализма и рыночной экономики (первого – за эксплуатацию, второго – за эгоизм). По А. М. Рыкачеву, деньги – это свобода выбора жизненных благ. Категоричность А. М. Рыкачева смягчили М. Аглиетта и А. Орлеан: для них деньги балансируют между **доверием** и **насилием**. Важна и другая констатация французских ученых: в акте обмена всегда участвуют, с одной стороны, продавец и с другой – покупатель и деньги. Не счесть экономистов, призывающих исследовать информационную природу денег и цены. Цена – это продукт обработки рынком и его агентами в деньгах информации о товарах и услугах. Нам ближе позиция, согласно которой «электронные деньги» – это инструмент обмена и общественный институт в процессе становления, с неполным раскрытием своих тенденций и функций. На наш взгляд, за «электронными деньгами» устойчивое будущее.

Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. обнажил противоречия, которые зрели десятилетиями и вырвались наружу внезапно, масштабно и многовекторно. Эти противоречия предстоит осмыслить не только оперативно (для принятия экстренных мер, план Б в терминологии военных и управленцев), но и в категориях политэкономии. Они (противоречия) нециклической природы, системные и непредсказуемые. Выскажемся по ним кратко, в манере интеллектуальной заявки на диагностирование и последующие размышления и конструктивную критику российских и зарубежных исследователей глобализации.

Что есть фундаментальные противоречия глобализации? **Во-первых**, это противоречия между глобализацией и суверенитетом национальной экономики. Институты глобализации (МВФ, ВТО,

ВБ) пока не могут адекватно регулировать мирохозяйственные потоки благ, ресурсов, инвестиций и информации. Отсюда и минимальные достижения в пересечении нелегитимного оттока капитала, отмывания «грязных денег», финансирования терроризма. Но и суверенные государства без международной поддержки не могут ввести отдельные налоги, например, на финансовые трансакции. **Во-вторых**, существует противоречие между взаимозависимостью и необходимостью участия каждой страны в разветвленной системе внешнеэкономических связей с ближним и дальним окружением. Взаимозависимость может быть **асимметричной**, со сложным балансом приобретений и потерь. Автаркия немислима в современную эпоху, а неопroteкционизм вызывает ответные санкции. **В-третьих**, необходимо отметить противоречия между **интеграцией** важнейших рынков и их **сегментацией**. Наиболее показательными в этом смысле являются рынки нефти и газа, на которых сталкиваются эти полярные тенденции (новые месторождения, поставщики и потребители, разброс экспортно-импортных цен и др.). В условиях взаимной слабости институтов мирового хозяйства и суверенной экономики выход из затяжного кризиса видится в становлении и укреплении региональных альянсов. К старым альянсам добавляются новые, комбинирующие различные варианты зон свободной торговли, таможенных союзов, свободных экономических зон, макрорегионов, агломераций глобального значения, международных финансовых центров. Особо выделим на ближайшую перспективу Евразийский экономический союз (к 2015 г.) и Экономическое сообщество стран Лагино-Карибской Америки (решение принято в декабре 2011 г.). Надеемся, что Евросоюз не только преодолет долговой кризис зоны евро, но и представит миру нетривиальные инструменты посткризисного развития. Региональные экономические сообщества – наиболее плодотворный сюжет для политэкономов.

Назовем еще одно противоречие глобализации: человек и модернизация. Глобализация для человека любой страны и цивилизации – шанс, вызов и угроза. И в этой сложной комбинации отдельно взятому человеку (семье, группе, профессии) предстоит отыскать прямую стратегию действий и следовать ей.

Глобальный мир модернизируется, но формулы модернизации должны быть адаптированы к менталитету нации, к ее основным социумам:

- Россия городов-миллионеров;
- Россия крупных региональных центров;

- Россия средних городов;
- Россия сельская и мелких городов.

Таким образом, страна, будь то Россия, Украина или Белоруссия, обязана осуществить двойную модернизацию: индустриальную и постиндустриальную, экономическую и социально-культурную. Качество жизни населения России должно быть не ниже среднего состояния в Европе, к которой она принадлежит исторически и цивилизационно. Но в этом вопросе различия пока существенны, о чем свидетельствуют международные и отечественные социологические исследования по трем параметрам: а) удовлетворенность жизнью в целом; б) удовлетворенность условиями и безопасностью своего труда; в) удовлетворенность доходами для достойной жизни. Рядовых граждан России интересуют в первую очередь новые рабочие места, медицинское обслуживание, борьба с криминалом и коррупцией, доступность жилья и др. [5]. Социальная политика России должна отвечать этим ожиданиям. Имеются и другие противоречия модернизации: отсталость структуры занятости по отраслям и профессиям, несовершенства и перекосы в системе подготовки рабочих кадров, напряженность в отношениях между «верхами» и «низами», проявления ксенофобии, национализма и шовинизма.

Назовем еще один источник обновления политэкономии – это корпоративная практика, особенно в области стратегического менеджмента. Так, политэкономия должна ввести в свой понятийный аппарат феномен носителей интересов – стейкхолдеров (заинтересованные стороны в рыночной экономике). Стейкхолдер – это лицо (группа лиц, организация), привносящая один из ключевых ресурсов в компанию, имеющее основание на получение доходов (выгод) и способное осознавать и выражать в действиях свои интересы. К основным стейкхолдерам можно отнести учредителей и акционеров, клиентов и поставщиков, работников и посредников (например, банки-кредиторы) [3]. Данная тематика останется приоритетной для наших следующих исследований.

Примечания

1. Балацкий, Е., Якимова, Н. Цикл занятости и приватизационный цикл в динамических моделях общего равновесия // Общество и экономика. – 2010. – 312 с. – С. 33–51.

2. «Великая трансформация» Карла Поляни: прошлое, настоящее, будущее / под отв. ред. проф. Р. М. Нуреева. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 119, 156–160, 249 и др.

3. Гурков, И. Г. Стратегия фирмы в современных условиях – поддержание баланса интересов и направления развития. – Ярославль: МУБиНТ, 2011. – 27 с.

4. Иностранная литература. – 2011. – № 6. – С. 214.

5. Лапин, Н. И. Человеческое лицо модернизации // Человек. – 2011. – № 6. – С. 5–18.

6. Маевский, В. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С. 68–71.

7. Насратуллин, В. К., Насратуллин, И. В. Практические аспекты использования научных результатов неравновесной экономической теории // Экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 7–18.

8. Орлов, А. Об экономической сущности амортизации // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С. 87–96.

9. Осипов, Ю. М. Философия хозяйства как достойное размышляющего человечества // Философия хозяйства. – 2008. – № 57. – С. 21–23.

10. Пороховский, А. А. Политэкономия – начало и основа экономической теории // Российский экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 97.

11. Сен, А. Адам Смит и современность // Вопросы экономики. – 2011. – № 11. – С. 25–27.

12. Титова, Л. А. Современные деньги валюты. – Ярославль: ЯГПУ, 2008. – С. 43–51.

13. Хайлова, Н. Б. Андрей Михайлович Рыкачев // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 48–71.

14. Экономические науки. – 2009. – № 11. – С. 54–62.

15. Й. Валлерстайн (2003) высказался по этому поводу так: «Старые теории никогда не умирают и обычно не исчезают бесследно. Они сначала притворяются, а затем мутируют». Цит. по: Сиземская, И. Н. Социокультурное пространство России // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 24, 20–28.

16. Надстройка – специфическая и автономная область бытия: «экономическая диалектика никогда не встречается в чистом виде, мы никогда не сталкиваемся с ситуацией, в которой эта инстанция, то есть надстройка, сделав свое дело, почтительно отступает на задний план или исчезает». См.: Альтюссер, Л. За Маркса. – 2006, С. 164. Цит. по: Гонеева, Н. В. Экзотическое самосознание после Маркса, Ницше и Фрейда // Вестник Московского ун-та. Серия Философия. – 2011. – № 4. – С. 22, 19–25.